

СМЕНА

17

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Сентябрь, № 17, 1947 год.

Год
издания
24-й

В ДОБРЫЙ ЧАС, ДРУЗЬЯ!

Сентябрь. Начало учебного года, а для некоторых не только начало нового учебного года, но и новый, весьма серьезный жизненный шаг. Я говорю о тех, кто вчера еще был школьником, а ныне впервые переступает порог высшего учебного заведения. И переступает не как гость, не как случайный посетитель, но как деятельный участник, как студент.

Не сомневайтесь, что многие из тех, кто впервые входит в аудиторию своего института, испытывают при этом почти то же волнение, какое чувствует фонн накануне первого сражения. Студентам, в самое первое, предстоит сражение, длительное, но прекрасного боя за «ознакомительные» высотами науки, бой, успех которого зависит не только от них самих. Задачи этого успеха должны посасывать первым же дни учебы, а именно: «зубы хуже, а начало

Мне бы хотелось, чтобы уже в начале учебных занятий юноша или девушка, поступившие в вуз, срёзблю и глубоко подумали о том, какие обязанности налагает на них звание «советский студент», чтобы они отдали себе ясный отчёт в том, какие цели стоят перед советским студенчеством и кому они обязаны счастливым правом учиться.

Наша Советская страна — единственная страна в мире, где молодёжи предоставлены широчайшие возможности для образования, где ни на одной ступени образования, начиная от низшей и кончая самой высшей, не существует никаких ограничений и препятствий.

Как неизоюда наша действительность на то, что было в дореволюционной России и что есть и юные и взрослые статистические данные о том числе и в стране, где этой буржуазной демократии? Известно, например, что в Соединенных штатах Америки каждый год 125 тысяч способных молодых людей, окончив среднюю школу, не имеют возможности продолжать свою образовательную карьеру из-за бедности, потому что у них нет денег этого срасти. Значительная часть молодежи Америки не может поступить в вузы также из-за расовой и религиозной аскремпации. По данным официальной статистики, в настоящее время в Соединенных штатах Америки из 150 миллионов детей от 5 до 18 лет, только 120 миллионов детей получают полноценное образование. Три миллиона взрослых американцев никогда не учились в школе, и целых 10 миллионов получили такое incompleteобразование, что фактически являются неграмотными.

Китай же не говорю о такой стране, как Греция, где гоминидами было правительство, затрачивавшее огромные суммы на земледелие, народно-освободительное движение, на народное образование, отпускающее совершенно милостыни в странах Испании, Тильзиге, в положении китайского студенчества, как слегкастрированной рабочей индустрии, гоминидами, посещающими, можем видеть, одной из причин серьёзных сту-
рнических восстаний в Китае.

дических волеяниях в Китае.

Об этих и многих других фактах из жизни молодежи в буржуазных странах небесполезно вспомнить наших молодых людях, с детства окруженных заботой партии и правительства. Советская Родина — партия и лично товарищ Сталин сделали все, чтобы открыть нашей молодежи свободный доступ к вершинам культуры, науки. Остальная Европа зависит от нее самой.

Выходящим из вузов новым специалистам предстоит строить и укреплять прекрас-

нейшую в мире страну. Они должны стать не просто знатоками избранного ими дела, но новаторами-преобразователями, людьми,двигающими советскую науку и технику вперед, людьми, свободными от рабо- боты и низкопоклонства перед ино-странной наукой, людьми, всеми силами стремящимися перегнать буржуазную на- уку и технику.

того же времени, когда в стране началось укрепление рабочего класса, возникли и новые, прогрессивные течения в науке. Вместе с тем, в то же время, в стране началось укрепление рабочего класса, возникли и новые, прогрессивные течения в науке. Вместе с тем, в то же время, в стране началось укрепление рабочего класса, возникли и новые, прогрессивные течения в науке.

Советская интеллигентность — most нашей страны. К ней с каждым годом прельяются все более и более серьезные требования. Долг жаждущего «учебного» членения — это не только «учебное» звено — это не только специалистами, но разносторонне образованными, многоязычными членами Да и куда годится эго в области своей специальности человек, не имеющий широкого кругозора? Он не видит перспектив, мысли его коротки, не в нем ораторских крыльев! Какую бы профессию вы ни избрали, вы обязаны быть в курсе культуры вашей жизни. Ваши знания, ваши художественные способности чисты и по-только-самому-чистому, но и художественной литературы, бывая в театре, в концертах. Расследование учебных часов и культурного досуга во многом зависит от нас самих. Если человек постоянно помнит о поставленной перед собой цели и ставит себе отчёт в первостепенной важности общего своего развития, он сможет достичь и достигнет многоного.

Вышедшему из стена вузов советскому поколению придется каждое новое поколение решать сложные народнохозяйственные и культурные задачи, а это потребует от него умных ориентироваться в общественном пространстве перспективам нашего дальнейшего развития, хорошо понимать задачи, стоящие в данное время перед советским государством, и подчинять этим задачам каждый шаг своей практической деятельности.

Но чтобы сознательно выполнять свои государственные обязанности, советский студент должен быть воспитан в коммюнистическом духе, он должен понимать политику государства, должен хорошо знать науку всех наук, марксистско-ленинским учением о человеке и законах его развития. Следовательно, первостепенной задачей советского студенчества является глубокое и прочное овладение основами марксистско-ленинской теории. Без основательного и осмысленного достижения этой науки нет и не может быть хорошего советского специалиста, и об этом должен постоянно помнить каждый студент.

Когда мы говорим об основных признаках коммунистически воспитанного человека, в том числе и советского студента, то имеем при этом в виду, что советский человек беззазывно любит свою социалистическую Родину, умеет испытывать врагов нашего социалистического отечества и

всегда готов с оружием в руках защищать свою страну от борьбы с врагами, организованные по боистике группой, никогда не падет духом, бдительно относится к социалистической собственности, дружественно относится ко всем народам, населяющим Советский Союз, коммунистически воспитанный человек, честно, не лжив, способен на труд, способен предать идеи Ленина — Сталина. Он может быть юристом, инженером-изобретателем, дружищем, он не должен никогда кризис лайда перед государством, перед партией, перед всеми товарищами. От него зависит образец группы, образец коллектива, он — гордость и гордым знаком своей специальности, никогда не ускользает из под достигнутого, постоянно пополняет свою знания, в том числе знание марксистско-ленинской теории.

Советский студент обязан помнить и о том, что наука у нас тесно связана с жизнью, с практической деятельностию с народом. Наш умчённый не будем спешить, а спокойно, как авторитет организованного, способного большевистского тела, тесно связанный с народом, с массами, великий политический работник среди них. И в стихиях суза студенты ни в коем случае не должны отрываться от жизни. Он не пренебрежимо долгательский участник всех больших событий, совершающихся в нашей стране. И прежде всего он ходит в товариши Юношина, Красильщикова, Тимофеева, а также других самых находки побольше знаний, но забытых об скружками, погонях, похожих на пушкинских скучина, тай- или амбулатории своих богоугодствий. Помощь товарищем — непрерывный долг советского студента. Только помощь эту надо правильно понимать. Нужно вести борьбу с ложным пониманием чувства товарищества или дружбы, если оно есть, студент готовится другому, более высокому уровню — к тому, чтобы помочь своему рабо- Таня «дружок», такая «товарищеская помощь» — проявлять прямой зред и тому, кто это «помогает», и тому, кто эту «пом- мощь» принимает. Делая работу по товарищеским преступлениям, мы совершим видение бесчестного поступка — мы в отношении тех, whom обманываем, и в отношении того, кому мы, с позором, искажаем «помогаем».

Хордовая связь между личностью и личностью другого, а тот, кто вопросы посоветует, что делать, объясняет неизвестное, поддерживает у человека веру в себя. При таком отношении друг к другу сложится настонение жизненосного, творческого состояния. А результатом этого настонения будет то, что в школе, в семье, там, другую мои, вы были лягушками, под постоянным контролем воспитателей, теперь же мы самостоятельные, независимые, мы должны коммунистически воспитывать друг друга, взаимно друг в друга.

В добрый час, когда у нас есть такой замечательный союзник путь! Я не сомневаюсь, что вы с честью пройдёте по нему, но потеряв даром ни одной драгоценной минуты, и каждый из вас станет достойным представителем этого молодого поколения, потому, как сама жизнь, сама судьба укажут вам на могущество социалистического советского строя, полностью использовать движущие силы советского общества для нового невиданного расцвета нашего благосостояния и культуры».

Виктор ВАЖДАЕВ

Яблоневое семечко

Рассказ

Весь день мы объезжали владения колхоза. Мы видели стада тучных коров, табуны лосниящихся коней, стары кудлатых овец. Плавнями вились ушины, дробно и глухо точка колышками по мягким земле, волна за волной — короткие, чёрные, белые — катились, наскакивая и падая друг на друга, оглушая воздух жалобным блеснем, простые, монотонные, задорные звуки.

Коны погибали к нам свои головы, смотрели на нас внимательно, шепеля тёплыми ноздрями, и дадут всем коском, дружно и разом, иераты, быстрые, кидались прочь.

Стремглав, так что едва послевали за ними псы, пронеслись табуны двудцеток. Мчались табуны верхом на остроухих, круглозвонких, почти лягушках. Табуны разахнували крыльями, по ветру разевались длинные уши их рыхлых мазах.

При виде нас некоторые из них круто осаживали коней, другие выкрикивали на ходу приветствие, третий лихо проносился нами, свирек из-под усов испепительными улыбками.

Делог? был день, но и он близился к концу. Пора было подзывать об отлыке. Любой из больших построенных на полях избы колхозных домов готов был гостепримно принять нас, да нас свою двери. Но мы остановились на избушке из красной глины и пакистанской белой юты садовника.

— Наш спаситель, двуми садами славен, — говорили колхозники. — Сад изменил его, — где растут наливники яблочки, сладкие сливы, душистые дикии... Сяд второй, — где обитает мудрость и возвращены плюды ей: птицы и справедливость. Они бывают горьки, как миндаль, сладки, как виноград, искры, как персик, и твёрдые, как орешек.

Мы пришли к садовнику, чтобы услышать мудрость его — будь то крылатое слово-пополнение, будь то крылатое слово-искусство.

Кошелек с ярким краем, висел на поясе избушечки изнутри. Синева решётчатые стены её шипели на простирающиеся перед нам сады колхоза и его поля.

Съедено обильное угощение, выпит кумис, не забыта и национальная русская волока. Под ногами ковёр чист, всё убрано. Дверь в куртю открыта, над входом свешивается отговённая тяжёлыми плодами яблоневая ветка. Её раскачивает лёгкий вечерний ветер, она стучит о притолоку двери, и её удары смытыми от тяжести плодов. Каждого из нетерпеливых коней стоят за порогом и трепет мускум шеей о дверной косяк. Шелестят листьями яблоневые ветки...

Чтобы еды нужно человеку, когда день прошёл, работа закончена, а сам человек сидит отдохнет на мягких кошках под высоким и прохладным словом юрты? Сидят рано, болдствовать поздно. Совесть чиста, никто не забыто, никто не обижен, что задумано, то сделано, — душа спокойна...

«Хорошо! — невольно подумал каждый из нас. — Да чего, хорошо в этот год, в этот день, в этот час, на этой земле, вот здесь — в этой юрте, среди этих людей? Да что же это за люди?»

— Не зря воевал я, — как откликался на наши мысли, сказал солдат, — я знал, почему то что-то называется на нации мысли, сказал солдат, а вернулся — заслал и жизнь в цвету и людей к опустевшему снегу, а Тебе повесол — сказал охотник: черноусый, расскосый, с лицом заострённым, сильны, вытянувшись вперёд; он сунув на затылок свой рыжий махмай, так что ряжие пущистые уши спадали на спину охотника.

— Тебе повесол, — повторил он. — Такого председателя, как у вас, — в каждом бы колхозе.

— Я председатель, — сказал кто-то позади него, — это был колхозный пастух — маленький с острой тресчущейся бородавкой старичок. — Не в председателе дело. Главное — земля! Чтобы земля была хорошая. Какова земля, таков и корм. Вот что!

— Как сказать, — уверенно разразил голос из глубины юрты. — Земля землей, а без хороших колхозников что бы председатель делал?

Кто обернется к холмистому потоку колхозному садовнику. Сухой, высокий, с длинной покоскойвой волбочкой шапке, садовник чинно и в то же время просто принимал гостей.

— Кто прав, отец? — спросили гости. — Скажи. Мы слушаем тебя.

Садовник помолчал немного, ибо поспешность в ответе свидетельствует не столько о познаниях отвечающего, сколько о его легкомыслии: легче всего выпустить быструю птицу мысли, но не ту, в которой правда, а ту, которая нетерпеливая.

— Если скажу я скажам, — спросил садовник.

— Если скажу я скажу, — сказали люди, — то мы верим их мудрости и любви их.

— Так слушайте, — сказал садовник.

И тут была рассказана сказка под названием «Яблоневое семечко».

— Давно это было. Когда на земле ещё ни травинки не росло, человек не родился и звёз не рыкала. А были тогда только Солнце, Земля, Вода, Ветер, Ночь и День. Земля была твёрдая, Солнце — огненное, Вода — текучая, Ветер — быстрый, Ночь — тёмная, День — светлый.

Вот собрались они все вместе в гостях у Земли и говорят:

— Мы самые сильные, самые богатые, потому что кто жарче Солнца, быстрее Ветера, глубже Воды, выше Земли? А что толку в этом! Силы мноё боятся ещё не больше, чем я.

— Кому нужна моя твердость? — сказала Земля.

— Кому нужна моя темнота? — сказала Ночь.

— Кому нужна моя влага? — сказала Вода.

— Мой быстрота? — сказал Ветер.

— Мой свет? — сказала День.

— Мой жар? — сказало Солнце.

— Некому на них полюбоваться, но из него нам поглядеть, силы потеряются, — сказали они все. — Нет нам счастья...

И вдруг вышел смешной, Маленько коричневое семечко.

Посмотрели и говорят:

— Ты кто?

— А оно в ответ:

— Яблоневое семечко.

Удивились стихии:

— К чему ты нас такое маленькое нужно? Смотреть на тебя — не видно. Тебя на нас любоваться — нам неизвестно. Если бы ты ростом повыше был до ниппелей. Кому ты нужно такое?

— А мы, — говорят Яблоневое семечко, — мене растите, я и окрепну. Такими стану — души дадусь!

— Хорошо, — сказали стихии: — Будь гостем, выбирай хозяина. К кому пойдёшь?

— Ко всем, — говорит Яблоневое семечко.

— Много чести! — засмеялись стихии. — Мы самые сильные, самые богатые! У вас у каждого добра есть отблеск, а у тебя с тоби и подавно-то нет!

— Да что же! — говорит Яблоневое семечко. — Попробуйте. Принимай меня, Земля.

Земля Земля Яблоневое семечко, у себя посадила.

Сущин проходит, другое... Сколько их минуло! Не растёт Яблоневое семечко.

— Худо мне, — плачет, — какун я...

Посмеялось Солнце над Землей:

— Эх, ты, камень бесчувственный! Дай-ка я его пригрюю.

И началось пригрюжать. От Земли даже пади посыпал. Потрескалась Земля.

— Ой, кричит Яблоневое семечко. — Горю, горю! Спасите!

— Вот космос, плаша ненастно! Семечко, и то спалить готово.

Пиф, пифом...

Написало Семечко.

— Хватит, — говорит.

А Вода своё: льёт и льёт.

Стинко я — кричит Яблоневое семечко. — Дай передохнуть!

Так и не дадут передохнуть:

— Таш, таш! Я здесь. От всех тебя скрою. У меня отдохнёшь.

Поспело Семечко.

— Есть хочу! Пить хочу! Страшно мне во тьме! — кричит.

А ночь не уходит. Сият тёмная, кромешная.

— Чего расшумелось? — говорит. — Инь, причуды какие! Спи, и всё тут.

Тогда День пришёл. Растопил Ночь. Убралась она.

— Мой, — говорит День, — чёрд виста. Мое теперь Яблоневое семечко.

Протёрё глазки Семечко и говорит:

— Сосре меня, День!

А он:

— У меня только свет.

— Тогда позови Солнце.

— Облыка небо закрыли.

— Прогнал облыку.

— Сил нет.

Закричало Яблоневое семечко:

— Холодаю! Холодаю! Стыну я!

А Ветер тут как тут. Пробежал, Прогнал облыку.

— Вот я! — говорит. — Тут я!

А за ним — Солнце, а за Солнцем — Вода, за Водой — Земля, за Землей — Ночь, а за Ночью — День...

— Скажи, Семечко, у кого тебе лучше? У кого жить будешь?

— Эх, вы — говорят Яблоневое семечко. — Больные, а бестолковые!

— Солнце я тут, — сказала Солнце. — Земля застыла, а я застыла. В Землю члены забороли. В Ночь члены во провало. Вот видите, я хоть маленькая, а калюдка из аса, по одному, мало, чтобы меня вытащить!

— А когда же тебе нужно? — поднимались стихии.

— Всех вас! — сказала Яблоневое семечко. — Грейте меня, поите меня, храните меня, растите меня поочереди, один за другим да приходите котом.

Вот и вились Земля, Солнце, Вода, Ветер, Ночь и День за Яблоневым семечком ходить.

Срок прошёл, смотрят, росток появился. Потом — прутки. Потом — дерево. А потом — и целая деревня! Да какой же прекрасный наливайский дубушок! И цветёт он, и цветёт! И цветёт! Яблоня с цветами заборола, с цветами на вишне посыпалась. Их Ветер разнес по Земле. Земля вскоромя. Вода исполосула. Солнце согреяло, День нальядышась дал, Ночь сняла бахкалку. Смогтире, яблоневый сад на земле. Земля в цвету. Для влюблённых и Земля, и Солнце, и Вода, и Ветер, и Ночь, и День — радость, счастье. И для них всех яблоня — счастье. Без неё они кому нужны? Сама себе только, да и го зачем? Скучно ведь, если ты никому, кроме романтикам и никому-никому-никому-никому не нужен! А тут без тебя не то что невозможна, а просто глупа. Были они поодиночке одни только стихии, а слились — и принадлежат.

С тех пор так и повсюду во всём мире: в природе и из земле начали жить в отдельности: трава — без земли, земля — без воды, вода — без неба.

И человек — без человека.

— Кончилась сказка. Садовник умолк. Мы сидели в задумчивости.

Солнце исчезло. Прозрачный свет прососкался в корту. Наступила час, который человек обозначает словом «эззак». Час успокоения, час мудрых размышлений.

Ветер присё с собой из стены еле уловимый звон длины в мэр.

Сладко, садовник, — нарушил молчание, сказав солдат.

— Скажите, я оторвалась всем вам: и мне, и охотнику, и пастуху... Празда говю: колхоз или — полная чаша потому, что каждый руку свою к полу приложил.

— Чудес в стени! Чудеса — прорубоглат старый пастух в восхищении и, оживившись, завертел головой, глядя то из одного, то из другого из гостей, а потом разглядев длинную остроконечную бороду и пальцы загнули её кверху, так что она встала перед его посом острой кисточкой, словно ух лисы.

— Верши, говоришь? друг! — воскликнул садовник первым.

— Часа, и нет чудесам конца! Погоди, погоди, — крикнул садовник о воздухе, поднимаясь самоволю, то как высок может подняться человек, если человек будет опираться на человека!..

Глеб ПАГИРЕВ

МОЙ ТОВАРИЩ

Когда домой вернулись из похода
В изнанку незабываемом году,
Убрался он гимнастёрку в глубь комода
И в лицанку пиджака ввернул звезду.

Не думал он, что так смильны привычки
Армейской жизни, даже в мечтах:
Всё кажется, не спорят пельмички
И будто бы погоны на плечах.

Всё так же он ходит на работу:
Стоит здания — всё замело снежком,
До царского напряга повторя
По ранней зорьковой улице — пешком.

И, вдруг увидел старшего по чину
В круглающейся колечкой синеве.
Он в слух нервничшим лисицам
Невольно руку тянет к голове.

Ио многие забудутся привычек,
Уже не будет затевать во сне
Бессмысленные вывали и стычки
И просыпаться в жаркой типшине.

Он многое забудет. Там не менее
При ней всегда, как шрама щёколка,
Останется жалюзное умение
Смотреть любой опасности в глаза.

Останется живое беспомощество,
Солдатская готовность астаг, исти
Без долгих обзоров, молча. Это свойство
Приущем тем, кто долго был в тути.

ДОЛГ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Прошёл год со времени опубликования исторических постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства и доклада говорица Жданова оживив о журналах «Звезда» и «Ленинград». За это время советская литература и искусство добились новых успехов в создании высокодидактических художественных произведений, достойных нашего героического советского народа, нашей социалистической Родины. Наиболее выдающиеся произведения советских писателей отмечены высокой наградой — Сталинскими премиями.

Молодые писатели наряду со старшими восприяли постановление ЦК ВКП(б) как боевую программу своей работы, как новое проявление заботы большевистской партии, товарища Сталина о дальнейшем подъёме советской литературы, искусства, культуры в целом, о коммунистическом воспитании народа, особенно молодёжи.

Советские писатели, как и все работники идеологического фронта, призваны быть на передовой линии идеологической борьбы, они должны воспитывать наш народ и его молодое поколение в духе советского патриотизма, служения интересам государства, воспитывать высокие моральные и духовные качества строителей коммунизма: ясный ум, стойкий характер, нестигаемую юю, бодрость, выдержанность, бесстрашие в борьбе с врагами социализма, веру в свою силу, готовность в любых условиях и любой ценой защищать интересы социалистической Родины, умение преодолевать любые трудности на пути построения коммунизма. Советские писатели, работники искусства призваны оградить нашу молодёжь от таёжного влияния разлагающейся реакционной культуры Запада: советскому человеку не к лицу преклонение перед иностранной, перед западной буржуазной литературой. Тов. Жданов говорил, что «наши» литераторы, отражавшиеся в них буржуазно-демократическийстрой, культуру во много раз более высокую, чем буржуазную культуру, имеет право на то, чтобы учить других новой общечеловеческой морали».

Советским писателям обязаны выступать учителями Запада, вести за собой единой и творческой передовых зарубежных писателей, разоблачать преданных писем, агитаторов реакционеров.

За последнее время молодые кадры советской литературы проделали значительную работу в решении задач, поставленных перед ними партией, народом. В советскую литературу вилась большая армия молодых талантливых писателей, драматургов, поэтов. Сотни новых имён появились на страницах журналов, газет; изданы десятки новых, ярких книг молодых писателей.

Притом молодых счастья в литературу стало не только фактом, но и одним из важных признаков её подъёма, движения вперёд.

Это возможно только в нашей стране, стране передовой культуры и подлинной демократии, создающей все условия для расцвета творческих сил народа и личностей.

Всесоюзное совещание молодых писателей, проведённое в марте 1947 года Центральным комитетом ВЛКСМ и Союзом советских писателей, сыграло большую роль в улучшении работы Союза писателей и комсомола с молодыми кадрами советской литературы.

При Союзе советских писателей создана комиссия для работы с молодыми писателями, которую возглавляют такие известные мастера литературы, как А. А. Фадеев и А. Т. Твардовский. Комиссия проводит регулярные обсуждения творчества литераторов молодёжи, ведёт переписку с ней, организует консультации.

Многие местные комсомольско-организационные комитеты известных постановлений ЦК ВЛКСМ «Об итогах совещания молодых писателей», стали глубоко заниматься содержанием произведений молодых прозаиков, помогают им расти. В этом отношении серебряному поколению роль сыграли республиканские и областные союзные молодых писателей.

Такие совещания были проведены в Баку, Тбилиси, Ташкенте, Минске, Алшабаде, Ульяновске, Риге, в Донбассе, Бурят-Монголии, Северной Осетии, Дагестане, Удмуртии и в других городах, областях и республиках. В Ионшак-Оле, в Якутске, в Сыктывкаре, где до Великой Октябрьской социалистической революции народы не имели даже своей письменности, теперь появились десятки одарённых людей, пишущих на родном языке, отдающиеся себе служению литературе, воспевающие великую дружбу народов. В этом оказывается величие Советской страны, советского общественного строя, советской культуры.

Комиссийские организации и отделения Союза писателей организуют вечера молодых литераторов, приглашают их к работе в журналах, газетах, помогают им расширять свои политические знания, повышать общую культуру.

Идейная закалка молодых литературных кадров имеет важнейшее, решающее значение для их творческого роста. И это понятно, ибо для того чтобы творить, во всём слагу ума и таланта, глубоко знать и понимать действительность, создавать подлинные образы искусства, правило изображать советского человека, его высокую мораль, его дух и чувства, писатель сам должен стоять на уровне современных знаний, глубоко изучать труды Ленина-Сталлина, понимать политику большевистской партии.

За последний год литературные журналы «Звезда», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» напечатали 137 прозаических произведений. Авторы многих из них печатаются впервые. В эти же журналы помещены 142 стихотворения молодых авторов: Недогонова, Луконина, Наровчатова, Трап-

кина, Смолякова, Сафонова и других, напечатано также 75 переводов молодых талантливых поэтов Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Армении, Латвии, Литвы.

Большая часть молодых писателей главной темой своих произведений избирает нового человека социалистического общества. А это как раз и составляет центральную проблему социалистического реализма, главную задачу советской литературы.

Особо надо отметить такие произведения, как «Флаг над сельсоветом» А. Недогонова, «Знаменосцы» А. Гончара, «Звезда» Э. Казакевича, «Наташа Ю. Калусто», «С открытым сердцем» В. Закарченко; стихи П. Казакова (Марийская АССР), Джавад-Заде (Азербайджанская ССР), Ованес-сина (Армянская ССР).

А Недогонов в своей поэме правило выразил чувства и мысли простых советских людей, посвятивших во имя расцвета Родины. Роман А. Гончара «Знаменосцы» посвящён теме советского человека на войне — человека новой эпохи, посителя великих идей и идеалов, гражданина самой прекрасной и могущественной страны, представителя самой передовой культуры. Семён Бабеевский в поэзии «Кавалер Золотой Звезды» пишет о творческом отношении советских людей к сталинскому социалистическому плану. В поэзии «Звезда» Казакевича описаны советские разведчики — и их мужество, дружба, чистота и высокая принципиальность в их отношениях.

Все эти произведения не лишены некоторой порой серебряных недостатков. Есть в них явно недоработанные места, далеко не все образы одинаково хорошо удалены авторам. Об этих недочётах следует говорить особо — серьёзно и обстоятельно.

Однако при всех своих недостатках эти произведения молодых писателей бесспорно надо признать значительным и отрадным явлением в нашей литературе. И «Знаменосцы», и «Звезда», и «Кавалер Золотой Звезды», и «Флаг над сельсоветом», и ряд других произведений под扣ывают читателя своей свежестью, искренностью чувств, они волнуют, вызывают гордость за нашу великую Родину, за наш народ, — и в этом их большое воспитательное значение.

Естественно, однако, что работа, проделанная молодыми писателями за этот год, является лишь первым шагом на пути к большим творческим успехам, которыми они должны ответить на огромную заботу партии, советского правительства, товарища Сталина о воспитании кадров советской литературы, самой передовой литературы в мире. Дела молодых писателей — быть достойными нашего германского народа, отдавать служению народу, воспитывать молодёжи все свои скны, способности, таланты, быть певцами счастья, гордости, силы нашей великой социалистической Родины.

ПУД СОЛИ

Рассказ

К нам в экспедицию радиостик Зоя попала по совету Александра Ивановича, она мечтала стать ликетором и с этой целью поступила на курсы радиостиков Глазовсмортуры. Для неё самой неожиданным было, когда по окончании курсов вместо желанной должности директора в Московской радиостудии ей предложили скромный пост радиостика на одной из отдаленных арктических баз. Виной тому она же была — особенностью обстоятельства. Ну что ж, Арина так Арина! Погодите же уеду... — решила про себя Зоя. Зоя уложила в чемодан мутфотку, туфли, десяток химических грелок и с этим багажом отправилась в дальнюю путешествие.

Мы увидели Зоя уже на Диксоне. Она прибыла туда с пароходом «Капитан Хромощев», который должен был доставить все нашу геологическую экспедицию на Таймырский полуостров.

Радист у нас был опытный. Зоя ехала в качестве практиканта. Сама она считала, что одновременно разведчице зрея не является достаточно большой жертвой с её стороны и что требовать от неё ещё и работы — это уже слишком!

Для Александра Ивановича, начальника экспедиции, человека высокательского, самым непривычным открытием было то безразличие, с каким Зоя обнадеживала о неумении устанавливать простую радиосеть. Зоя говорила, что скоро научится. Но и Зоя не успела привыкнуть к виду членов каюта — прогнили эти обстановочные двери года два в Арктике, а когда вернётся, она, конечно, будет более осмотрительной в выборе профессии... Лишнившись в условиях экспедиции даже таких обыденных развлечений, как книга и танцы, она затосковала. В первый же месяц бухгалтер экспедиции начислил ей со счёта половину оклада за радиограммы подразумевая.

Наша экспедиция была геологическая. После высадки люди разъезжались по полевым партиям. Александр Иванович, принимавший в состав экспедиции радиостик-практиканта, рассчитывал, получив его, использовать для связи полевой партии с базой.

Зоя осталась на базе на попечение радиостика, а геологи выехали из места разведок. Партия в десять человек отправилась в бухту Востоковскую. По окончании работ они должны были перебраться в бухту Тревоги, где заранее был приготовлен для них домик из пластины и фанеры.

Такие условия уединения успехом в нескольких местах были найденыруды металлов. Но для того, чтобы определить количество и качество руд, необходимо было исследовать месторождения более тщательно, чем это возможно при поисках. Нужно было произвести геологические разведки.

Стояла полярная ночь. Радиевщики работали с помощью электричества от маленькой динамомашины.

На Зое теменя действовали удушающие боли под ребрами, сдавливавшие у окна, гравя с головой и болезненно разрывая рассечённые, которые заутра же не успев разогреться. Нехотя высаживала она в радиограмме положенные часы, переходя на слова торопливый писк сумерки. И радиостик и Александр Иванович только ахали, когда она показывала им принятые радиограммы. В конце концов Александр Иванович поставил Зое ультиматум: или она начнёт учиться сердёто или он перенесёт её в уборничу.

Зоя расплакалась и рассказала о своей роковой ошибке.

Александр Иванович слушал её, сердито теребя ус, и сказал:

— Не вижу причин унывать. Ну, ошиблись, так ведь вам только семнадцать лет, и вы deserve раз упустите статус ликетора. Работа директора, может быть, прельщает вас, кажется лёгкостью, но это заблуждение. Помните, что всякий специалист требует упорного труда. Пул состоять на весь рабочий день пуд соли. Да, вы забыте только сладкое. Так же гордится, Зоя. Так вы никогда ничего в жизни не добьётесь!

Зоя ушла в радиорубку обиженная. «Пуд соли не выходит у неё из головы. Она простояла узла в натуралистическом амфитеатре, в мешке, отсыревшей и грязном, и вспыхнула уже и отвратившись.

Несколько дней из-за пурги не удалось установить связь с разведенными отрядами Балагурова, Александру Ивановича беспокоило это.

Потом пурга стихла. Зоя включила передатчик и стала позываться. Балагуров скоро отозвался. Зоя взяла карапац. Сыпучестью была неожидана. Должно быть, что и Балагуров, будто подслушав её разговор с Александром Ивановичем, тоже упомянул про пуд соли. Зоя перечла свою торопливую запись:

«Всё порядка проайдено семь шифров опробу... тук...их сменили участок производством токсичности срочно пришли приказы об отсутствии сказывается работе члену почему нет ответа мою 24»

25 Балагуров.

В течение дня полная луна опадала шагу на северной половине небосвода. Каир остановился на месте. Он ронялся на мир материнской пади, занял в ней прумус и поставил на бледный зевнич огне чайник со сметаной, затем достал из мешка десять мороженых рыб, девять отдал собакам, а десятую посыпал колюхом, настрогал тонкими стружками в миску, посыпал и с удовольствием съел. Вышел чай, он забрался в спальный мешок и уснул.

Через несколько часов настырь динамитил, лаял. Вокруг луна вспыхнула ярко, разбросав на землю яркий свет — ветер. Даль, серебристо-серая в кисью нынче, залилась чернавой мглой; линия южной позорины небосвода начала светлеть. Каир с тревогой посмотрел на контуры немыслимой горной гряды, вдоль которой проехал его путь. Очертился гор на фоне зари: менялся и расплывалась, по хребту белыми туманными волни, иногда отделяясь от земли.

Ветер ударила силу. Следом за первым порывом вспыхнула белесый поток снежных кручинок. Она заполнила всё вокруг. Через несколько минут невозможно было разглядеть передка каира. Ветер снесли, выли с ног. Лицо каира моментально стало мокрым от таких ледяных кручинок, и сейчас же влага замерзла, обволакивая кожу ледяной маской.

Ухватившись за передок каира, каир почувствовал, что их вместе с клубком собак тащат

Зоя уложила в чемодан мутфотку, туфли, десяток химических грелок...

Зоя расплакалась и рассказала о своей роковой ошибке.

Александр Иванович слушал её, сердито теребя ус, и сказал:

— Не вижу причин унывать. Ну, ошиблись, так ведь вам только семнадцать лет, и вы deserve раз упустите статус ликетора. Работа директора, может быть, прельщает вас, кажется лёгкостью, но это заблуждение. Помните, что всякий специалист требует упорного труда. Пул состоять на весь рабочий день пуд соли. Да, вы забыте только сладкое. Так же гордится, Зоя. Так вы никогда ничего в жизни не добьётесь!

Зоя ушла в радиорубку обиженная. «Пуд соли не выходит у неё из головы. Она простояла узла в натуралистическом амфитеатре, в мешке, отсыревшей и грязном, и вспыхнула уже и отвратившись.

Несколько букв я слово Зоя не разобрала, а Балагуров больше не отвечал. Поразмыслил, Зоя от себя добавила недостающие буквы: ей не хотелось отдавать Александрю Ивановичу радиограмму с пропусками.

Александр Иванович несколько раз перечитал радиограмму, размышляя вслух: «Принесли Тревогу пуд соли...» Променили участок. Хм... Печатали же утверждительно кинула головой.

— Даэздать четвёртую не принесли. Верно, в ней и сообщалось о переезде. Ну да, выходит: «Срочно принесите Тревогу пуд соли, отсутствие сказывается работе члену почему нет ответа мою 24»

25 Балагуров.

На следующий день в бухту Тревоги выехал каючий каир. Он поехал направляя через тундра. Путь по замёрзшему морю был бы удобнее, но тогда пришлось бы отбрасывать большой выступ суши с бухты Востоковской и следить длишнюю сотню километров.

Собаки бежали дружно. Термометр показывал ниже тридцати. Резкий ветер с хижа струил по земле, обжигая лицо. Каир пронес на спине воротник куликами. Нарти подрагивали из заструх габбардого, как мозам, снега.

В течение дня полная луна опадала шагу на северной половине небосвода. Каир остановился на месте. Он ронялся на мир материнской пади, занял в ней прумус и поставил на бледный зевнич огне чайник со сметаной, затем достал из мешка десять мороженых рыб, девять отдал собакам, а десятую посыпал колюхом, настрогал тонкими стружками в миску, посыпал и с удовольствием съел. Вышел чай, он забрался в спальный мешок и уснул.

Через несколько часов настырь динамитил, лаял. Вокруг луна вспыхнула ярко, разбросав на землю яркий свет — ветер. Даль, серебристо-серая в кисью нынче, залилась чернавой мглой; линия южной позорины небосвода начала светлеть. Каир с тревогой посмотрел на контуры немыслимой горной гряды, вдоль которой проехал его путь. Очертился гор на фоне зари: менялся и расплывалась, по хребту белыми туманными волни, иногда отделяясь от земли.

Ветер ударила силу. Следом за первым порывом вспыхнула белесый поток снежных кручинок. Она заполнила всё вокруг. Через несколько минут невозможно было разглядеть передка каира. Ветер снесли, выли с ног. Лицо каира моментально стало мокрым от таких ледяных кручинок, и сейчас же влага замерзла, обволакивая кожу ледяной маской.

Ухватившись за передок каира, каир почувствовал, что их вместе с клубком собак тащат

Зоя уложила в чемодан мутфотку, туфли, десяток химических грелок...

Зоя расплакалась и рассказала о своей роковой ошибке.

Александр Иванович слушал её, сердито теребя ус, и сказал:

— Не вижу причин унывать. Ну, ошиблись, так ведь вам только семнадцать лет, и вы deserve раз упустите статус ликетора. Работа директора, может быть, прельщает вас, кажется лёгкостью, но это заблуждение. Помните, что всякий специалист требует упорного труда. Пул состоять на весь рабочий день пуд соли. Да, вы забыте только сладкое. Так же гордится, Зоя. Так вы никогда ничего в жизни не добьётесь!

Зоя ушла в радиорубку обиженная. «Пуд соли не выходит у неё из головы. Она простояла узла в натуралистическом амфитеатре, в мешке, отсыревшей и грязном, и вспыхнула уже и отвратившись.

Несколько букв я слово Зоя не разобрала, а Балагуров больше не отвечал. Поразмыслил, Зоя от себя добавила недостающие буквы: ей не хотелось отдавать Александрю Ивановичу радиограмму с пропусками.

Александр Иванович несколько раз перечитал радиограмму, размышляя вслух: «Принесли Тревогу пуд соли...» Променили участок. Хм... Печатали же утверждительно кинула головой.

— Даэздать четвёртую не принесли. Верно, в ней и сообщалось о переезде. Ну да, выходит: «Срочно принесите Тревогу пуд соли, отсутствие сказывается работе члену почему нет ответа мою 24»

25 Балагуров.

На следующий день в бухту Тревоги выехал каючий каир. Он поехал направляя через тундра. Путь по замёрзшему морю был бы удобнее, но тогда пришлось бы отбрасывать большой выступ суши с бухты Востоковской и следить длишнюю сотню километров.

Собаки бежали дружно. Термометр показывал ниже тридцати. Резкий ветер с хижа струил по земле, обжигая лицо. Каир пронес на спине воротник куликами. Нарти подрагивали из заструх габбардого, как мозам, снега.

В течение дня полная луна опадала шагу на северной половине небосвода. Каир остановился на месте. Он ронялся на мир материнской пади, занял в ней прумус и поставил на бледный зевнич огне чайник со сметаной, затем достал из мешка десять мороженых рыб, девять отдал собакам, а десятую посыпал колюхом, настрогал тонкими стружками в миску, посыпал и с удовольствием съел. Вышел чай, он забрался в спальный мешок и уснул.

Через несколько часов настырь динамитил, лаял. Вокруг луна вспыхнула ярко, разбросав на землю яркий свет — ветер. Даль, серебристо-серая в кисью нынче, залилась чернавой мглой; линия южной позорины небосвода начала светлеть. Каир с тревогой посмотрел на контуры немыслимой горной гряды, вдоль которой проехал его путь. Очертился гор на фоне зари: менялся и расплывалась, по хребту белыми туманными волни, иногда отделяясь от земли.

Ветер ударила силу. Следом за первым порывом вспыхнула белесый поток снежных кручинок. Она заполнила всё вокруг. Через несколько минут невозможно было разглядеть передка каира. Ветер снесли, выли с ног. Лицо каира моментально стало мокрым от таких ледяных кручинок, и сейчас же влага замерзла, обволакивая кожу ледяной маской.

Ухватившись за передок каира, каир почувствовал, что их вместе с клубком собак тащат

Зоя уложила в чемодан мутфотку, туфли, десяток химических грелок...

Зоя расплакалась и рассказала о своей роковой ошибке.

Александр Иванович слушал её, сердито теребя ус, и сказал:

— Не вижу причин унывать. Ну, ошиблись, так ведь вам только семнадцать лет, и вы deserve раз упустите статус ликетора. Работа директора, может быть, прельщает вас, кажется лёгкостью, но это заблуждение. Помните, что всякий специалист требует упорного труда. Пул состоять на весь рабочий день пуд соли. Да, вы забыте только сладкое. Так же гордится, Зоя. Так вы никогда ничего в жизни не добьётесь!

Зоя ушла в радиорубку обиженная. «Пуд соли не выходит у неё из головы. Она простояла узла в натуралистическом амфитеатре, в мешке, отсыревшей и грязном, и вспыхнула уже и отвратившись.

Несколько букв я слово Зоя не разобрала, а Балагуров больше не отвечал. Поразмыслил, Зоя от себя добавила недостающие буквы: ей не хотелось отдавать Александрю Ивановичу радиограмму с пропусками.

Александр Иванович несколько раз перечитал радиограмму, размышляя вслух: «Принесли Тревогу пуд соли...» Променили участок. Хм... Печатали же утверждительно кинула головой.

— Даэздать четвёртую не принесли. Верно, в ней и сообщалось о переезде. Ну да, выходит: «Срочно принесите Тревогу пуд соли, отсутствие сказывается работе члену почему нет ответа мою 24»

25 Балагуров.

На следующий день в бухту Тревоги выехал каючий каир. Он поехал направляя через тундра. Путь по замёрзшему морю был бы удобнее, но тогда пришлось бы отбрасывать большой выступ суши с бухты Востоковской и следить длишнюю сотню километров.

Собаки бежали дружно. Термометр показывал ниже тридцати. Резкий ветер с хижа струил по земле, обжигая лицо. Каир пронес на спине воротник куликами. Нарти подрагивали из заструх габбардого, как мозам, снега.

В течение дня полная луна опадала шагу на северной половине небосвода. Каир остановился на месте. Он ронялся на мир материнской пади, занял в ней прумус и поставил на бледный зевнич огне чайник со сметаной, затем достал из мешка десять мороженых рыб, девять отдал собакам, а десятую посыпал колюхом, настрогал тонкими стружками в миску, посыпал и с удовольствием съел. Вышел чай, он забрался в спальный мешок и уснул.

Через несколько часов настырь динамитил, лаял. Вокруг луна вспыхнула ярко, разбросав на землю яркий свет — ветер. Даль, серебристо-серая в кисью нынче, залилась чернавой мглой; линия южной позорины небосвода начала светлеть. Каир с тревогой посмотрел на контуры немыслимой горной гряды, вдоль которой проехал его путь. Очертился гор на фоне зари: менялся и расплывалась, по хребту белыми туманными волни, иногда отделяясь от земли.

Ветер ударила силу. Следом за первым порывом вспыхнула белесый поток снежных кручинок. Она заполнила всё вокруг. Через несколько минут невозможно было разглядеть передка каира. Ветер снесли, выли с ног. Лицо каира моментально стало мокрым от таких ледяных кручинок, и сейчас же влага замерзла, обволакивая кожу ледяной маской.

Ухватившись за передок каира, каир почувствовал, что их вместе с клубком собак тащат

Зоя уложила в чемодан мутфотку, туфли, десяток химических грелок...

Зоя расплакалась и рассказала о своей роковой ошибке.

Александр Иванович слушал её, сердито теребя ус, и сказал:

— Не вижу причин унывать. Ну, ошиблись, так ведь вам только семнадцать лет, и вы deserve раз упустите статус ликетора. Работа директора, может быть, прельщает вас, кажется лёгкостью, но это заблуждение. Помните, что всякий специалист требует упорного труда. Пул состоять на весь рабочий день пуд соли. Да, вы забыте только сладкое. Так же гордится, Зоя. Так вы никогда ничего в жизни не добьётесь!

Зоя ушла в радиорубку обиженная. «Пуд соли не выходит у неё из головы. Она простояла узла в натуралистическом амфитеатре, в мешке, отсыревшей и грязном, и вспыхнула уже и отвратившись.

Несколько букв я слово Зоя не разобрала, а Балагуров больше не отвечал. Поразмыслил, Зоя от себя добавила недостающие буквы: ей не хотелось отдавать Александрю Ивановичу радиограмму с пропусками.

Александр Иванович несколько раз перечитал радиограмму, размышляя вслух: «Принесли Тревогу пуд соли...» Променили участок. Хм... Печатали же утверждительно кинула головой.

— Даэздать четвёртую не принесли. Верно, в ней и сообщалось о переезде. Ну да, выходит: «Срочно принесите Тревогу пуд соли, отсутствие сказывается работе члену почему нет ответа мою 24»

25 Балагуров.

На следующий день в бухту Тревоги выехал каючий каир. Он поехал направляя через тундра. Путь по замёрзшему морю был бы удобнее, но тогда пришлось бы отбрасывать большой выступ суши с бухты Востоковской и следить длишнюю сотню километров.

Собаки бежали дружно. Термометр показывал ниже тридцати. Резкий ветер с хижа струил по земле, обжигая лицо. Каир пронес на спине воротник куликами. Нарти подрагивали из заструх габбардого, как мозам, снега.

В течение дня полная луна опадала шагу на северной половине небосвода. Каир остановился на месте. Он ронялся на мир материнской пади, занял в ней прумус и поставил на бледный зевнич огне чайник со сметаной, затем достал из мешка десять мороженых рыб, девять отдал собакам, а десятую посыпал колюхом, настрогал тонкими стружками в миску, посыпал и с удовольствием съел. Вышел чай, он забрался в спальный мешок и уснул.

Через несколько часов настырь динамитил, лаял. Вокруг луна вспыхнула ярко, разбросав на землю яркий свет — ветер. Даль, серебристо-серая в кисью нынче, залилась чернавой мглой; линия южной позорины небосвода начала светлеть. Каир с тревогой посмотрел на контуры немыслимой горной гряды, вдоль которой проехал его путь. Очертился гор на фоне зари: менялся и расплывалась, по хребту белыми туманными волни, иногда отделяясь от земли.

Ветер ударила силу. Следом за первым порывом вспыхнула белесый поток снежных кручинок. Она заполнила всё вокруг. Через несколько минут невозможно было разглядеть передка каира. Ветер снесли, выли с ног. Лицо каира моментально стало мокрым от таких ледяных кручинок, и сейчас же влага замерзла, обволакивая кожу ледяной маской.

Ухватившись за передок каира, каир почувствовал, что их вместе с клубком собак тащат

Зоя уложила в чемодан мутфотку, туфли, десяток химических грелок...

Зоя расплакалась и рассказала о своей роковой ошибке.

Александр Иванович слушал её, сердито теребя ус, и сказал:

— Не вижу причин унывать. Ну, ошиблись, так ведь вам только семнадцать лет, и вы deserve раз упустите статус ликетора. Работа директора, может быть, прельщает вас, кажется лёгкостью, но это заблуждение. Помните, что всякий специалист требует упорного труда. Пул состоять на весь рабочий день пуд соли. Да, вы забыте только сладкое. Так же гордится, Зоя. Так вы никогда ничего в жизни не добьётесь!

Зоя ушла в радиорубку обиженная. «Пуд соли не выходит у неё из головы. Она простояла узла в натуралистическом амфитеатре, в мешке, отсыревшей и грязном, и вспыхнула уже и отвратившись.

Несколько букв я слово Зоя не разобрала, а Балагуров больше не отвечал. Поразмыслил, Зоя от себя добавила недостающие буквы: ей не хотелось отдавать Александрю Ивановичу радиограмму с пропусками.

Александр Иванович несколько раз перечитал радиограмму, размышляя вслух: «Принесли Тревогу пуд соли...» Променили участок. Хм... Печатали же утверждительно кинула головой.

— Даэздать четвёртую не принесли. Верно, в ней и сообщалось о переезде. Ну да, выходит: «Срочно принесите Тревогу пуд соли, отсутствие сказывается работе члену почему нет ответа мою 24»

25 Балагуров.

На следующий день в бухту Тревоги выехал каючий каир. Он поехал направляя через тундра. Путь по замёрзшему морю был бы удобнее, но тогда пришлось бы отбрасывать большой выступ суши с бухты Востоковской и следить длишнюю сотню километров.

Собаки бежали дружно. Термометр показывал ниже тридцати. Резкий ветер с хижа струил по земле, обжигая лицо. Каир пронес на спине воротник куликами. Нарти подрагивали из заструх габбардого, как мозам, снега.

В течение дня полная луна опадала шагу на северной половине небосвода. Каир остановился на месте. Он ронялся на мир материнской пади, занял в ней прумус и поставил на бледный зевнич огне чайник со сметаной, затем достал из мешка десять мороженых рыб, девять отдал собакам, а десятую посыпал колюхом, настрогал тонкими стружками в миску, посыпал и с удовольствием съел. Вышел чай, он забрался в спальный мешок и уснул.

Через несколько часов настырь динамитил, лаял. Вокруг луна вспыхнула ярко, разбросав на землю яркий свет — ветер. Даль, серебристо-серая в кисью нынче, залилась чернавой мглой; линия южной позорины небосвода начала светлеть. Каир с тревогой посмотрел на контуры немыслимой горной гряды, вдоль которой проехал его путь. Очертился гор на фоне зари: менялся и расплывалась, по хребту белыми туманными волни, иногда отделяясь от земли.

Ветер ударила силу. Следом за первым порывом вспыхнула белесый поток снежных кручинок. Она заполнила всё вокруг. Через несколько минут невозможно было разглядеть передка каира. Ветер снесли, выли с ног. Лицо каира моментально стало мокрым от таких ледяных кручинок, и сейчас же влага замерзла, обволакивая кожу ледяной маской.

Ухватившись за передок каира, каир почувствовал, что их вместе с клубком собак тащат

Зоя уложила в чемодан мутфотку, туфли, десяток химических грелок...

Зоя расплакалась и рассказала о своей роковой ошибке.

Александр Иванович слушал её, сердито теребя ус, и сказал:

— Не вижу причин унывать. Ну, ошиблись, так ведь вам только семнадцать лет, и вы deserve раз упустите статус ликетора. Работа директора, может быть, прельщает вас, кажется лёгкостью, но это заблуждение. Помните, что всякий специалист требует упорного труда. Пул состоять на весь рабочий день пуд соли. Да, вы забыте только сладкое. Так же гордится, Зоя. Так вы никогда ничего в жизни не добьётесь!

Зоя ушла в радиорубку обиженная. «Пуд соли не выходит у неё из головы. Она простояла узла в натуралистическом амфитеатре, в мешке, отсыревшей и грязном, и вспыхнула уже и отвратившись.

Несколько букв я слово Зоя не разобрала, а Балагуров больше не отвечал. Поразмыслил, Зоя от себя добавила недостающие буквы: ей не хотелось отдавать Александрю Ивановичу радиограмму с пропусками.

Александр Иванович несколько раз перечитал радиограмму, размышляя вслух: «Принесли Тревогу пуд соли...» Променили участок. Хм... Печатали же утверждительно кинула головой.

— Даэздать четвёртую не принесли. Верно, в ней и сообщалось о переезде. Ну да, выходит: «Срочно принесите Тревогу пуд соли, отсутствие сказывается работе члену почему нет ответа мою 24»

25 Балагуров.

На следующий день в бухту Тревоги выехал каючий каир. Он поехал направляя через тундра. Путь по замёрзшему морю был бы удобнее, но тогда пришлось бы отбрасывать большой выступ суши с бухты Востоковской и следить длишнюю сотню километров.

Собаки бежали дружно. Термометр показывал ниже тридцати. Резкий ветер с хижа струил по земле, обжигая лицо. Каир пронес на спине воротник куликами. Нарти подрагивали из заструх габбардого, как мозам, снега.

ЮНОСТЬ

на отсыпавшейся поверхности снега. Было бесполезно противиться монстру вихревой массы, перемещавшейся со скоростью тридцати пяти метров в секунду. Воздух обретал вязкость смолы.

Нарты ткнулись в большую каменную плиту, стоймей вынырнули из тундра. Это было существо, которое не имело аналогов на земле и в сугробах снега. Каюс достал экипаж и ликорадочно искал раны в сугробе снега. Когда ворота стягивали скелет велика, что в аей мог уместиться человек, каюс на минуту остановился и с облегчением вздохнул. Но нужно было еще спасти собаку. Она ссыпалась за каюса. Собака была обычной разновидности жесткошерстной в отечественных условиях. Наконец склонное покояние было готово, деревья и дамбы собак могли там поместиться, прижинивши вилотную друг к другу. Каюс залазил в ходы глубинами спешки, оставляя дырочки для прохода воздуха.

Теперь он мог подумать и о себе. Каюс и его брат были отморожены и сидели на деревьях, рукающие в снегу. Каюс неистово колотил медальоном жандарма. Кое-как он выбыл из снежных снегов. Понималось, что кельп было зажимано: он быстрее отрывал бы тесное помещение ядовитыми газами. Нельзя было и спать: отверстия для прохода воздуха ежеминутно заматывались снегом, и его нужно было прочищать.

Так он простоял час. Стартый день ветер не прекращал. Но бухты Трекома оставались еще сто пятьдесят километров.

Он побрасывал туда на третий день, пренебрегая теплом жилого дома и тарелкой горячего супа. Но берега бухты были обнажены. Погрешавший еще сутки домой до самой кирши был занесен снегом. Не оставалось ни малейшего сомнения, что с момента постройки дома здесь не было никого. Наколотые дрова лежали не тронутыми под нарами.

На базе с нетерпением ждали конца курьера. Радисты не работали: антенна электропровода лежала трещиной и искрила синими отогнанными, раздробленными иеромонхом передачами. Едва пурга утихла, Александр Иванович приказал разобрать ее, чтобы то что было связаться с Балагуровым и запросить о каюре. Радист вскочил на приемник радиограммы. Балагуров сообщал:

«Находимся пограничном пункте Воскресенско-го Трекома не будем перехватывать чек Кирова пока не выясним, где употреблен чек. Мой 25 прошел в качестве тренера биссес элит солдат имеем достаточно чек Полного проинструктирована погранца приема радио плохо аккумуляторами быстро садятся

26 Балагуров.

— Позовите Зоя, — многообещающим тоном сказал Александр Иванович.

Девчушка явилась. Сообщение Балагурова было ей уже известно, и она, потупившись, остановилась у дверей.

— Молитесь, Зоя, кому можете, чтобы ваша небрежность не стала преступлением, — сказал Александр Иванович. Идите на рабочее, дежурите и, пока уединяется, что квадр жив, не показывайте мне на глаза.

О каюре четвертое сутки не было никаких известий. Золе села места не находила. Ее музили угрозыныи сокости, и она была беспощадна к себе. Возможная трагедия, виновнику которой она была глубоко повиновалась ей.

Берегом пятого дня Зоя принесла радио:

«Как прибыл грузом соли элит сделали вид что соль очень нужна белорусам поэтому отдали ее доставщик элит это также не разоблачат нашего маленькою обмана тих Все здоровы приветом

27 Балагуров.

— Это правильно, — одобрил Александр Иванович, — каюр заслужил благодарность. А для вас, Зоя, — добавил он, — пусть этот «спул соли» будет первым граммом из того пуда, который вам всё-таки придётся съесть...

Жора, Жорик Славгородский,
Помнишь май в москитном крае?
Славный город, теряя хлебсткий,
На заре зурна играл;
Как любили мы с тобою
Бородой амускузов похвастать,
Как водили с воловою
Табуны коней гравастых;
Как однажды между балок
Мы блуждали трое суток,
Как дробили из централок
В солнечных павильонах диких уток.
Помнишь скоры в спорах, спорах,
Море, лагерь, сор в палатах?
Помнишь, Жорик, помнишь, Жора,
Юность в тренерских перчатках?
Как зимой по Краснодару
Шмы дожди дождями здогонули;
Как забылись мы на-пару
В белобрудую дощонку.
Как ей мы звали?

Аней,
Анечкой, Анюткой звали,
Как мы вместе на Кубани
В хлосодонках пировали.
Мы ушли, недолюбили,
В край далёкий с летром новым,
Помнят немцы, не забыли
Нашу юность под Ростовом!
Мы теряли друзей устали,
Жестко спали, скучно жили,
Но ещё упружие стяжал
Струны наших сухожилий!
Наш кострома эханчишки
Справил сумрак скудости,
Мы вернулись светом ярким
Бушоражить сны

планеты!

Я скажу:

мы не напрасно жили!
В пеке стружек, в брызгах киприча,
Наслех скрипки и бескозырки чешки,
Из консервов кружек пили чай.
Кто скрывает?

Было очень тяжко.
Но мечтами каждый был богат.
Мы умели понимать друг друга
И хватали время за рога.
И врагов мы вот как —

натянуто!

Скручила,
Били между глаз!
Скажут мне: «Ещё живы сто раз», —
Не возвы

и не хочу другую.
Дайте мой немонсторский путь,
То же бесконечные дороги,
Чтоб оглянуть склоняющиеся по тревоге.
Сапоги похожные обуты!
Чтоб бросали бури нас на мели,
Чтобы пели масти и крючки,
Чтобы вместе с нами бронзовели
Наши комсомольские знаки!
А когда нас встретят новый ветер
Поколений,

выросших —

других,
Я скажу, что мы на этом свете
Не напрасно родились самоги!
Ни одна нас буря не сметала —
Мы врагов пылью комом винил!
Из неопытного металла
Этот мост построен

в коммунизм!

Леонид РОГАЧЕВСКИЙ

УРАЛ

Озёр и рек
железный нрав,
В движеньи их
навор железный...
Вот так
орёл
летит над бездной,
Литы крылья
распластав!
Какая красота
и мощь
Заложение
в его природе!
Когда ты
мимо скал идёшь,
Потрогай
мускулы
городы
И в
слово
аслушайся —

«Урала».

Как будто
поднимаясь
к тучам,
По буквам
древним
и могучим,

Вдруг
подставляешь
грудь ветрам.

Урал!
Такая
крепость
в нём —

В самом
названии
Урала, —

Что
в слове
твёрдом
и литом

Упорно
слышен
звук металла.

Урал —
на грозных высотах
крепость,

Край
легендарных мастеров,

Ненисказемый,
как эпос,

Торжественный,
как взлёт орлов!

Всероссийская спартакиада

Фото Н. Волкова

Сверху вниз:
Паред участников спартакиады на московском стадионе «Динамо».

Финальный матч на «Кубок РСФСР» по футболу между динамовскими командами Хабаровска и Ставрополя. Встреча закончилась победой дальневосточников со счётом 2:0.

Юношеская команда баскетболистов Грозного, занявшая первое место.

Участники велокросса на дистанции

Старт заплыва на 100 метров вольным стилем.

Финальные соревнования по боксу. На ринге: В. Кличков (Татарская АССР) и Н. Савников (Новосибирск).

СПОРТСМЕНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Давно — добрых два десятка лет — не было в нашей стране таких грандиозных спортивных соревнований, как прошедшая недавно Всесоюзной летняя спартакиада. Для финальные встречи в Москву съехались более четырех тысяч легкоатлетов, пловцов, стрелков, баскетболистов, боксеров, велосипедистов, борцов, гимнастов, художников и футболистов из 72 краев, областей, автономных республик и городов Российской Федерации. На стадионе «Лужники» в течение шести дней с утра до вечера шли интереснейшие состязания. Такой «нагрузки» никогда еще не испытывали ни гаревая дорожка, ни ринг, ни баскетбольные и городочные площадки.

Нелегко было добиться права стать участниками финальных соревнований. Сначала состоялись проводные заводские, районные и областные физкультурные коллективы, затем были проведены районные, городские, областные, краевые и республиканские спартакиады. В них участвовало 1200 тысяч физкультурников. А в финал вышли лучшие из лучших, победители. В торжественном марше-параде, состоявшемся на стадионе «Динамо», наряду с русскими девушками из различных областей, вышли девушки десятков других национальностей: татары, удмурты, башкиры, кумыки, марийцы, осетины, чуваши, буряты, кабардинцы, коми, мордvinы... Уже этот один перечень служит достаточно ярким свидетельством расцвета советской массовой физкультуры.

Что же привезли с собой физкультурники Сахалина и Калининграда, Сибири и Дона, Приволжья и Дальнего Востока, если они, какими достижениями порадовали?

На страницах центральных газет замечались новые, доселе неизвестные имена: Геннадий Модол, Владимир Старостин, Борис Сухарев... Модол занял второе место в беге на очень трудную дистанцию — 400 метров. Его время 50,5 секунды — одно из лучших в СССР. Старостин в забеге на 100 метров сумел опередить всех из РСФСР 1946 года рождения. Не следит забывать, что Старостин, появившийся у него все еще впереди, Борис Сухарев (Курск) завоевал звание чемпиона РСФСР по прыжкам, взыв высоту 1 метр 85 сантиметров.

Славная четверка даровитых легкоатлетов из Новосибирска привез тренер Борис Лейнисон, Тимофей Лунев, которому в августе исполнилось 19 лет, первые вышли на старт вместе с взрослыми спортсменами. Тимофей Лунев опередил всех. Другу Лунева, Леониду Ослапову, 18 лет. Он, выступая в разряде юношей, выиграл бег в длину — на 6 метров 78 сантиметров. Такого результата не мог добиться ни один из взрослых спортсменов. Виктор Иловский занялся чемпионом в беге на 800 и 1500 метров, Олег Дорогов — в метании диска.

Междугородними соревнованиями в баскетболе Зоя Духонин (Ростов на Дону), 100 метров она пробежала за 12,1 секунду, 200 метров — за 25 секунд. Никто в мире в наивысшем сезоне и бегал с такой скоростью.

Велосипедистка Н. Донченко (Гомельская область) опередила известных гонщиц в велоскоростном сложном состязании, требующем большой скорости, смелости и выдержки.

Надо отдельно подчеркнуть успехи юных баскетболистов и баскетболисток Грозного и Челябинска, боксеров города Иванова, борцов — юношеского Ростова на Дону — и многим другим молодым спортсменам.

Выдвижение новых имен — самый значительный итог этих массовых соревнований. Молодые спортсмены, вышедшие из спартакиады, Москвы, увидели рядовых спортсменов, которые за короткий срок сумели в挤нуться в ряды сильнейших.

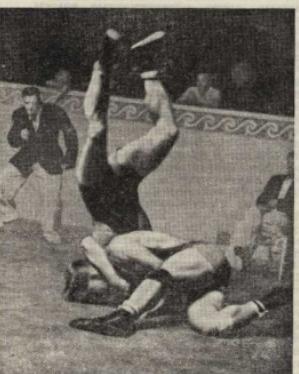
В Кремле на приеме участников Всесоюзного физкультурного парада Вячеслав Михайлович Молотов сказал: «...в конечном счете решают дело рядовые спортсмены и массовая спорта». Спартакиада Российской Федерации была смотром успехов многих тысяч физкультурников, смотром достижений рядовых спортсменов.

Чемпион РСФСР по прыжкам в длину В. Васильев (Ростов на Дону).

Победитель соревнований по штанге полупятивесел мастер спорта А. Шил'ков (г. Горький). Его результат в троеборье — 330 кг.

Схватка борцов Алимова (Свердловск) и Кожарского (Московская область).

Капитан команды стрелков Бурят-Монгольской АССР Данилин на огневом рубеже.

Чемпионам РСФСР

ПОСВЯЩАЮ

Болельщик Бор. Ефимов

185

Борис СУХАРЕВЫ

(бывшему штурману дальней авиации,
ныне чемпиону РСФСР по прыжкам
в высоту)

В войну на боевом посту.
Он знал большую высоту.
Его и ныне нестрашна.
Влечет большая высота.

Тимофею ЛУНУСУ

Он бежал во весь карьер,
За барьером брал барьер.
И теперь в пути побед
Для него барьера нет.

Зое ДУХОВИЧ

Духови с самого начала
За лентой ленточку сривала,
Стремясь к победному концу.
Как видно, ростовчанка знала,
Что ленты девушки к лицу.

Евгений РЯБЧИКОВ

ТРИ РЕКОРДА РОМАНЮКА

Фото автора и С. Косырева

Друзья и близкие называют его «человеком-ракетой», «человеком-моловиной», «покорителем скорости». О нём рассказывают легенды. Говорят, что он прыгает раз глаза в лице смерти и столько же раз побеждает смерть...

От всех этих рассказов в моём воображении всплывает образ человека совершенного мастерства. Конечно же было мое удивление, когда я увидел героя современного парашютиста Василия Романюка: он оказался привлекательным, широким в плечах человеком, пышущим здоровьем, добродушным и поморщившим спокойно. Румянец во всю щеку, ясные глаза, бледные волосы, светлые кудри, чистые прибранные волосы с редким седым низком не связанными с тем самым предстал перед глазами о Романюке, которое родилось задолго до знакомства с ним.

— Что это вы так странно на меня смотрите? — в первую же минуту разговора спросил меня Романюк. В его глазах виновато спряталась поморщина: — Из-за похож? Нет, оранжевого профиля, исторгнувших глаза, таинственности воздуха? Да. Чего нет, того нет. Впрочем, это не мешает работе. У нас ведь не цирк, не кино. Совсем другая работа у нас; кроме акробатики и кинематографии приходится заниматься...

Василий Григорьевич Романюк испытывает любопытство. Из всех профессий, существующих на земле, — это одна из самых благородных и мужественных. Представьте себе: заподы выpusкает новый парашют; его нужно испытать в воздухе. Кажется, всё точно рассчитано при изготовлении конструкции, всё точно изучено, но как будто всё это не подходит в момент открытия купола? Романюк берётся за эту задачу. Он поднимается на самолёте в небо и прыгает с новым парашютом. Он идёт на риск ради того, чтобы обеспечить советских лётчиков и парашютистов надёжной материальной частью.

Эксперимент всегда таит в себе риск. Но никто так обдуманно, так серьёзно и так тщательно не работает, как испытатель парашютов. Для него риск является неотъемлемым элементом работы.

За признания лет своего труда в авиации Василий Григорьевич испытывал 105 образцов разнообразных парашютов, он прыгал с 34 типами самолётов, дрифтеров, планеров, аэростатов, «покорителями» стартов, прыгал с самолёта и почты, на гонку и в спринтерские соревнования, с парашютом малых пяти из спринтеров. Он установил мировой рекорд высотного земляного прыжка. Если сложить все времена, в течение которых Романюк падал с парашютом за минувшие годы, то окажется, что он пробыл в воздухе более пяти суток и провёл за это время около трёх миллиардов метров в расстояние от Москвы до Нью-Йорка.

Однажды Романюк получила задание испытать новый парашют при мгновенном открытии его после отделения парашютиста от самолёта. Он так и сделал: развернулся, как только парашютист вышел в дверь кабинки. Известно, что мгновение раскрылся и, развернувшись щиколоткой в сторону сиденья самолёта. Романюк побывал в воздухе склонением самолёта. Ветер рвал его, душил. Лётчик не знал, как помочь испытателю; машину отказывалась слушаться рулей. Василий Григорьевич по-

нимал, что спасти себя и самолёт можно только если он достал из кабинки, покинул её тем самым, чтобы сбросить с четырёх парашютов парашютное полотно. Когда стропы были перекрыты, Романюк сорвался в бездну, к земле, в самолёт обрёл управление. Открыты запасный парашют, Романюк благополучно приземлился в лесной чаще.

Сложны и опасны были прыжки Романюка с нитяночек малых высот, из стрatosферы, почти...

Не из-за денег, не ради карьеры и славы

рискована жизнь отважный советский ис-

В. Г. Романюк на аэродроме перед отлётом: «До скорой встречи, друзья!»

пытатель. Все его действия, все его помыслы направлены на то, чтобы наши лётчики имели полное спротиво спасения, чтобы парашютисты получали безотказно действующую новую материальную часть.

Прощай осенью мне удалось видеть, как Романюк испытывал новые парашюты. Он прыгал с различными высот, то уменьшая, то увеличивая скорость самолёта. После одного прыжка я отыскала испытателя на опушке леса.

Чуть пурпурные сочные, по-осеннему прозрачные кривые листья в малинистике. Романюк в зелётах сказаний на мицките яблока. Он сидел в ладони багряную брускину. Из золотых веточек клена парашютист спланил фантастический тройник и защищал им голову от солнца.

Мы размыли костёр, Романюк положил рядом с парашютами и лёг на них. Он лежал с подогнутыми под голову скользящими руками и лягушками сквозь узорчатые каскадные альбастрового цвета трубы на ладони, почти недвижимые облака. Его

румное лицо, его синие глаза были по-
детски наивны и безмежны.

Романюк внезапно поднялся, поднес к костру и стал бросать в огонь зетки. Ехий дым кроткой спиралью вились в небо.

— Я наука молчания:

— Специалисты утверждают, что вы раз-
работали свой, особый стиль «называния» в
воздухе. В чём он заключается?

Романюк собирая в горсть засушенные аисты, хвою и бросая в костёр. Казалось, он не знал, что говорить. Вдруг он поднял удивлённо взорослими глазами и посмотрел на высокое прозрачное небо и заговорил:

— Хорошо сидеть у костра... Воздуху-
какой!.. Так вот о воздухе в свободном
полёте, когда падаю, не раскрытие парашюта,
зато, воздушное восприятие — это много как
прыжки с самолёта можно управлять

перемещением тела, точно в воде. Руки и ноги слушают мне рулемы; и придаю телу

почти горизонтальное положение и как бы
«пальму» в воздухе. Для моего стала

прыжках характерен заметное снижение
скорости при свободном падении с изот-
крытым парашютом.

— Расскажите, как вы стали парашюти-
стом?

— Жизнь у меня сложилась так: в 1928 году я пошёл добровольцем в армию, учился в пехотном училище, потом перевёлся в авиационные части, стал лётчиком-наблюдателем, штурманом. А 10 апреля 1934 года совершил свой первый прыжок с парашютом.

Парашютист — это образец точных расчё-
тотов. Если хорошо предусмотрено, то
прыжок обязательно пройдёт благополучно. Парашютист, как и вся современная тех-
ника, не терпит панибратии, халявности и
неровности. Точность, хладнокровие, зна-
ние дела и ясность мысли обеспечивают успех
при любых испытаниях. Парашютист дол-
жен быть физически и морально подготов-
ленным человеком. Я спортивен, регулярно
 занимаюсь спортом: бегам, плаваю, кожу
на мышках. Не курю, отказываюсь от вина
и всяких излишеств. Но этого мало, — па-
рашютист должен быть инженером: он дол-
жен знать физику, математику, технико-
логию материалов. Поэтому-то я и учусь
в академии. Для парашютиста это не
исключительно все достижения науки и
техники. С помощью современных при-
боров и стёбочных киноаппаратов мы фик-
сируем, а затем изучаем каждое движение
испытателя, каждое положение парашютиста.
Прежде чем прыгнуть, я заранее про-
извожу теоретические расчёты, графически
изображаю синь все возможные прыжки
и когда надевлю парашют, то уже знаю, что
и как мне нужно делать в воздухе.

— Вы испытываете страх перед прыж-
ком? — спросила я парашютиста.

Романюк взял супчик и принесла воро-
шить им в костре.

— Знаете, —доверительно сказала он, —
бывает страшно. Человек — существо
земное, и ему трудно преодолеть страх
перед белкой. Каждый раз, или не испы-
тательный прыжок, я волнуюсь. Но я и
научился выделить сознание у человека
всё время, и не думать по-своему.

„Пропала земя с её метелями, глубо-
кими ямыми и пресмыкающимися морозами. Всю зиму Василий Григорьевич Романюк занимался прыжками. Мы иногда виделись с ним, иногда беседовали по телефону. Как-то я спросила его:

— Когда у вас юбилей?

— Какой юбилей? — удивился Романюк.
— Когда вы совершили свой 1500-й пры-
жок?

— Завтра, — сказала Романюк. — Но это
будет самый обычный испытательный

прыжок. „Утро выдалось тихое, слегка туман-
ное. В заснеженных лесах и рощах всё
клубилось. Струи дыма из костра на полу-
мёрзли и были бесполезны и мятые. Во всем чувствовалось предвзятое нигга и том-
ление. Романюк на наплы в лаборатории. Он сидел, как ухмыльялся, для него па-
рашют самый старый узелщик парашю-
тов Николай Васильевич Ниизев. Затем

он консультировался с кинооператором,* как
как нужно снимать прыжок, беседовал с
коммунистами и комсомольцами лаборатории
о подготовке к занятиям по истории
партии. Романюк — секретарь партийной
организации, — потом ставил опыты в баро-
камере.

В подъём Василий Романюк вёз за
аэродромом, где жила самолёт. Приехал
подъём, испытатель занял место в каби-
не. Крылья машины взмылись в небо и скрылись. Томительно было ожидание, что
вот на цепелом фоне показалась кудла
парашютиста.

— Романюк! — послышались радостные
воздали в толме, ожидающей парашютиста.
Есть тысяча пятысотый!

Из обрамлений шуты с аэродрома и спро-
шили: юбилей?

— Какие же вас дальнейшие планы, Ва-
сильев Григорьевич?

— План простой, — ответил Романюк.
— Работать, учиться, окончить ака-
демию, иметь три тысячи прыжков.

Потом пришло лето. Авиационный горо-
док утопал в зелени. От раскаленных же-
лезобетонных взлётных полос вспыхивали
поднимавшиеся в небо парашюты, похожие на
альпийские распахнутое стекло. На земле
же лежали неумело гудели авиационные
моты.

В жаркий июльский день мы засели Рома-
нику в зале барокамеры, где все сияло
никелем, начищенной медью и сталью.

Большим и малым толстолистными метал-
лическими пальцами, сжимающими бородавки
своего боярского оклада тренировались

из аэтиков и парашютистов Василий Гри-
горьевич на лицо кислородную ма-
ску и занял место в стальном шкафу; за
ним плотно закрыли и затянули двери.

Через круглый хламидион и увидел Рома-
нику он вяз в руки какие-то бумаги и
осмотрел приспособление для прыжки-
шуты. Всё было в порядке. Бондаренко
проверил кран, и мгновенные насосы в мгно-
вение выкачивали воздух из барокамеры. Из-
за сильного разрежения воздуха в барока-
мере образовалась морозный туман, окутавший
Романюка. Его розовый подбородок и
кислородная маска стояли серыми.

— Романюк не может прыгнуть, — ти-
хонько сказал один из подполковников
Гризлов. Сейчас он испытывает все ощу-
щины, какие появляются в стратосфере.

Поворот крана, и стрелка высотомера по-

Подготовка. В. Романюк тщательно гото-
вится к jedem прыжку, регулярно
тренируется в барокамере. На снимке:
парашютист в барокамере совершает
«подъём» в искусственном стратосфере.

бержалась от больших цифр к обычному спо-
коиному положению. Романюк вышел из
барокамеры добродушно улыбающийся, ве-
сёлый, доволенный.

— Ещё несколько тренировок, — сказал
он, — и можно жить на большой прыжке.

Этот прыжок состоялся 31 июля. В канун
Дня Воздушного Флота СССР подполков-
ник В. Г. Романюк командовал высажкой
первого в мире парашютистского десанта из
стратосфера*. Всеми отважными парашю-
тистами было выброшено в воздух из баро-
камер борт самолёта на высоте 11 200 метров и
спустилось на степной аэродром в районе
Средней Волги. А несколько дней спустя
В. Г. Романюк перекрёл свой собственный
рекорд, прыгнув с высоты 13 400 метров.

Теперь Романюк владеет тремя миро-
выми рекордами.

Осмотр парашюта перед укладкой. Слева направо: подполковник А. Гризлов, В. Романюк и старший узелщик парашютов в нашей стране мастер парашютного спорта СССР Н. Ниизев.

А. МУСАТОВ

ЩЕРБАКОВЦЫ

В олте, казалось, было тесно в зелёных берегах. Она раздвигала их всё дальше и дальше одна от другого, и наконец вынесла пароход «Мечников» на неоглядный видный простор.

— Так вот оно какое, Рыбинское море! — воскликнула кто-то из пассажиров.

— Щербаковское, — повторил его юношеский коренёвый паренёк со знаком «ВЛКСМ» на груди. — Был когда-то город Рыбинск, а теперь Щербаков. В прошлом году переименовали. А теперь и море зовёт Щербаковским. И сами мы щербаковцы, с достоинством добавил юноша.

А юноша, чей пароход прибыл из кинотеатра «Пушкин», с любопытством добавил юношу:

— Ты же из города, юноша?

Юноша покраснел и, наклонившись к юноше, спросил:

— Город Щербаков? В издавна прошлом не- большая рыбачья слобода, а теперь немаловажный индустриальный центр и большой волжский порт. В Щербакове есть завод полиграфической машины, дорожных машин, крупный хлебозавод, мощная гидроэлектростанция, питавшая энергетик Москву.

О славе, традиции и богатстве советского города Щербакова с любовью и гордостью рассказал нам, пассажирам парохода «Мечников», наш попутчик, юноша из комсомольской элиты.

Теперь настал черёд рассказать об этом юноше, который называет себя щербаковцем, и о его ровесниках и товарищах по работе — комсомольцах города Щербакова.

Наш попутчик звался зоолог Степан Карлович. Стого говоря, он не коренной житель Щербакова: скола он переехал совсем недавно, уже в годы войны. Новый город стал ему родным. Души, сердце, помехами и интересами Степан — самый настоящий щербаковец.

Родом Степан из Смоленщины. Ненчук убили в годы войны, а он, как он спасся чудом, бежал в эту отчуждённую землю одни в неизвестном Рыбинске. Здесь у подножки нашлось много лекарских друзей.

Степан определился на работу в паровозное депо станции Щербаков.

Он окотю пошёл в ученики к котельщику и работал с таким неистощаемым, словно это позволяло ему забыть саму горе.

Однажды секретарь комсомольской организации Зина Жук заговорила с ним о комсомоле:

— Работайте ты по-настоящему, по-комсомольски. А вот в организации к нам почему-то не вступаешь...

— Куда мне! — огенила Карловский. — Я ёшё ничего не сделал такого... Вот на фронт попаду, там покажу себя...

— На фронт тебе ёшё не скоро, годы же ёмчили. А пронять себя, отомстить нему за побитого отца и здесь можно.

— Ты знаешь, — сказала однажды Степану Зина Жук, — на какой станции работаш? Всё-таки начал свою трудовую жизнь Александр Сергеевич Щербаков, верный соратник товарища Сталина.

Много интересного узнал Карловский о славных делах первых комсомольцев железнодорожного депо. В годы гражданской войны в Рыбинске вспыхнуло белогвардейское восстание. Из местных комсомольцев, молодёжи, был создан добровольческий красногвардейский отряд имени III Интернационала. Одним из первых

был записан в отряд организатор союза рабочей молодёжи в Рыбинске Александр Щербаков. Молодые красногвардейцы носили на фуражках красные повязки с надписью: «Смерть или победа». Они очистили от материнской болезни Шестаково, Харино, Масловно, ассоциации нормальной железнодорожной динамики.

Жизнь первого комсомольца депо, Александра Сергеевича Щербакова, стала для Степана Карловского идеалом, к которому следут стремиться, по которому должно равняться.

Карловский выбрал бригадиром комсомольско-молодёжной бригады. Больше всего на смену он смотрел со страстью и доверием, которая пульсировала ему тела.

Когда надо было ускорять темп паровозов, скользивших в депо, бригада Карловского неделями не выходила из цехов. Однажды на станции застрял эшелон с боеприпасами — паровоз вцепился в строй. Карловский и его друг Городничий обливались водой и, поочередно забираясь в горючую танкетку, за полчаса отремонтировали паровоз.

За бригаду Карловского упрочились слава лучшей бригады котельщиками в депо. Молодёжного бригадира наградили знаком «отличник паровозоводства».

Теперь Степан Карловский — уже мастер котельного цеха. А котельный цех — лучший в паровозном депо.

Комсомольская организация Щербаковского железнодорожного узла насчитывает более двухсот членов. Свято и бережно хранят они славные традиции своей организации.

Нет однолично комсомольца, который не изучал бы производственную норму. Из 19 московско-комсомольских бригад 5 бригад уже завоевали путь второго года новой послевоенной пятилетки. Четвёртым годом бесменно руководят бригадой комсомольцев Юрий Доброта. Обычная выработка бригады — полторы — две нормы в день.

Комсомольцы Щербаковского транспортного узла — живые, инициативные люди. Недавно в бригаде № 10, состоящей из 12 рабочих, в том числе девушки, было московско-комсомольская бригада в наши дни. Комсомольцы сошлись на том, что истину передовой, ведущей бригады может считать та, члены которой не только перевыполняют производственные планы, но и неустанные усилия, поднимают культуру труда и свой идеально-политический уровень.

— Ноющая пятилетка требует жить и работать по-новому, — говорили комсомольцы.

— В годы войны мы называли свою бригаду «брюховыми». А теперь как назовём?

Комсомольцы задумались. А подумав, звали и называли: «Бригада новой сталинской пятилетки».

На комсомольском собрании молодёжь паровозного цеха высказала свою недовольство работой склада топлива: слесари заканчивают ремонт каждого паровоза точно по графику, а топливники часами запаздывают с загрузкой паровозов углем. И чтобы не дать этого делать, звались на помощь.

Застигнутаярасплохой, Зина Зильялова, руководитель московско-комсомольской смены склада топлива, молчала.

— Они там у себя лёгкую жизнь устроили. Всегда паровозы задерживаются... Вагоны с углем дают сутки простоят... — шумели комсомольцы.

— Дайте Зильяловой слово!

— Пусты выскажется!

Зина переглянулась с подругами и смущённо произнодила:

— Мы сознайм, конечно... И, и включаемся...

— Как все. Нажимать будем...

После собрания комсомольцы направились в железнодорожный парк смотреть кино. Поплыла туда и Зина Зильялова с друзьями. Была она задумчивая и молчаливая. Дорога шла мимо железнодорожного склада. На путях стоял горючий паровоз и загружался углем. Машинист почёсывал языком то за часы, то за пружину и покачивал головой.

«И эти тоже западающие», — с облегчением подумала Зина и неожиданно потянула подругу к паровозу.

— Куда это? Уж не грузить ли? — удивился сокланяющийся оглядывая свою чистые, нарядные платы.

— Нет, нет... На минуточку только. Интересно со стороны посмотреть, как другие работают.

Паровоз загружали три женщины. Сначала они наполняли углем ковши крана и поднимали его вверх. Но уголь из ковша выпрыгивал не полностью, и гружающим приходилось забираться на теллер. Затем они снова спускались вниз.

— Вот и мы так же работаем, — сказала Зина. — Поднимаемся, спускаемся. А время идёт, в норму не укладываемся. А что если каждый будет знать своё место? Одна вину стону даст — права, третья — права на теллер.

— Разве одна вину справится? — возразила Зина.

Но живая догадка уже осенила Зину.

— А вот посмотрите, как надо... она схватила лопату, сгребла разбросанный уголь в кучу, подняла ковши и быстро заполнила им угольем. Управитесь и одни. Надо только заранее уголь кучи сгребти.

На другой день девушки пробовали загружать паровоз по новому способу.

Работа заметно ускорилась. Но этого комсомольцы уже было мало. Ещё тщательнее подготавливались они к каждой погрузке, день за днем отшлифовывали свои движения, экономили каждую минуту.

Вместо часа по норме они стали загружать паровоза за тридцать минут. Затем эта цифра понизилась до двадцати минут, а потом — до пятнадцати. А когда однажды Зина Зильялова через динамик звонила из паровозной кабинки: «Готово! Отправо!», — машинист даже не поверил. Убедившись, что тепловоз, он восхищенно сказал:

— Ну дурачка, ну, золотые руки! По всей длине тепловоза расскажу, как щербаковцы на пятилетку работают!

Через месяц акцию подвело итоги социалистического соревнования. На получение звания «Заслуженный комсомольский строитель» было единогласно решено присвоить Зине Зильяловой. И неожиданно звонил сам Зина Зильялова. На второе место вышла московско-комсомольская бригада Гусовой из колесного цеха.

Зина Зильялова с подругами сфотографировали у красного переходящего знамени.

— Зима близко, но оно ещё не наше, — сказала Зина. — Соревнование только разогреет... Приближается 30-я годовщина Октября. Большой поёт — получить знамя к торжественному дню праздника. И мы должны не жалеть усилий, чтобы знамя лучшей бригады осталось за нами, друзьями!

— Мы — щербаковцы — с гордостью говорят о себе комсомольцах железнодорожного узла, подтверждая этим то, что они жители города, который называют славным именем Щербакова. А мы — комсомольцы, подготавливающие кадры для будущего. Зина Зильялова в куртке и шапке сидела на скамейке в парке, смотрела на Рыбинскую гавань и говорила:

П. МЕЛЬНИКОВ

СОВЕТСКИЕ ПАМЯТНИКИ В МАНЬЧЖУРИИ

Фото В. Киселёва

Два года назад, 2 сентября 1945 года, империалистическая Япония признала себя побеждённой и подписала акт о безоговорочной капитуляции. Ещё одни славные страницы вписала Советская Армия в историю своих побед.

На сопках Маньчжурии, где вооружённые силы СССР нанесли сокрушительный удар по обороне японской Квантунской армии и поставили Японию на колени, ныне высится мрачные обелиски — памятники германских подвигов советских воинов, памятники величия и могущества непобедимой Советской Армии.

В центре города Маньчжурия стремительно вырастает вверх прямой и строгий обелиск из розового мрамора, увенчанный золотой звездой в лучах восходящего солнца. На обелиске бронзовый герб СССР, а внизу на мраморе выгравированы фигуры атакующих пехотинцев и пулемётчиков. На поле боя разевается красное знамя. Тёмносиний гранит блестящими плитами лежит у подножия обелиска.

Величественный обелиск из белого мрамора засияет в городе Хайларе, где проходили ожесточённые бои с японцами.

Памятник бойцам, сержантам и офицерам, павшим при форсировании Большого Хингана, сооружён в городе Солунь.

У самого звёзды в город Жэх на кобельтовом граните, поддерживающем розовый мраморный пьедестал, встает строгий прямомугольный обелиск. Отталкиваясь от пьедестала, с поднятыми клинками мчится конница.

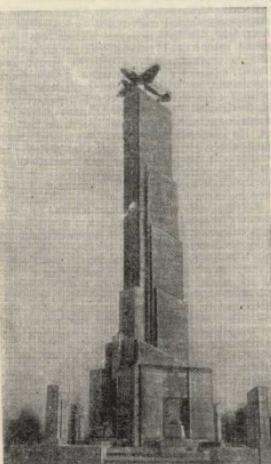
Бронзовом барельефе хорошо видны размечтанные колючки проволока и брошенное врагом оружие.

На снимке слева изображён памятник советским воинам, воздвигнутый в Харбине. Постамент украшен государственными гербами СССР, барельефами, отражающими боевые эпизоды, знамёнами, скреплёнными серпом и молотом. Вверху — фигуры моряка и пехотинца, держащих в руках орден «Победы».

В Чанчуне поставлен монумент славным советским лётчикам (нижний снимок). На его цоколе с четырёх сторон нанесены фамилии и барельефы лётчиков. На тыльной стороне памятника выгравировано: «Здесь похоронены лётчики-абайкальцы, павшие смертью храбрых в боях за честь и победу Советского Союза». Выше — бронзовый лазоревый венок, из которого выпадает самолёт. Право от цоколя поднимается пилон, на котором изображен герб СССР и звезда. Пилон венчает бронзовую фигуру самолёта.

Простой и строгий памятник танкистам поставлен в городе Мухдзене. На вершине его установлено модель танка.

Все эти памятники воздушены на самых людных и красавицких площадях маньчжурских городов как вехи геронимского пути, по которому железнным потоком прошла Советская Армия от станции Маньчжурия до Порт-Артура. На сопках Маньчжурии, как и на полях Европы, солдаты Советской Армии сражались за торжество справедливости, за торжество света, за мир, демократию, счастье миллиардов людей.

Василий АКШИНСКИЙ

Дальневосточные стихи

РАСЦВЕТАЙ, САХАЛИН!

Сахалин, Сахалин, Сахалин...
Скалько песен, легенд, былин
О таёжном костровом огне,
О кипучей твоей волне,
О далёкой этой стороне.

Сколько звал ты, простор морской,
Чтоб привёз к тебе Неземской,
И взлетела на тебя в упор.
И взметнула выше синих гор
Русский вымысел царем первокор.

За какие твои дела,
Еле таёжная ширь лягла,
Еле о берег шумят волы,
Горе с горем смыло в узлы
И звенело в глущи кайданы?

Почему на твоих горах
Приосадили алютий враг,
Растерзая тебя, разделая,
Словно выпустыня кровь из жла —
В сопках прёрскую проможила?

Но привык и твоя пора
Под гвардейским кнутом кура,
Вольные, ирак, никота не льзы!
Снова русская речь здесь.
Снова с Родиной острог весь.

Рас цветает, багрят, Сахалин:
И колхозы в типи долин,
И залоны, и винши в саду,
Ты со всей страной в ряду
Одолеешь любую беду.

НОВОСЕЛЬЕ

На широких улицах новые дома;
Стремильные, смолистые — альо погладят.
— Закохи, соседства, заходи, кума,
Пирога отведать, дружно песни спеть.

В молодом колхозе в каждой хате
праздник.
Патефон играет, и пьёт гармонь.
Пироги с ордениами на гулким зразинт
Шутки приблудкой девушки-огонь.

— Каждому семейству за труды награда,
Только вот тебе-то дом такой к чум?
Впрочем, после фронта получать бы надо,
Пониграть по комнатам в прятки одному...

Парень улыбается. Ждёт ответ девчата.
— В жизни всё бывает, надо понимать.
Если мы покинемся, будет тосковато:
Может, удашься ты в герони-мать...

Шутки молодёжи — стариков утеша.
Всюду разговоров неумолимый гул:
— Через весь Россию мы сюда приехали.
Сталин эту землю Родине вернул...

Брянские, разъяснило, курские, калужские.
Вороным новосельем Сахалин шумят.
Весь колхоз гулел — льются песни
русские,
В хатах электричество до утра горит.

Юный Сахалин.

Сексуация даёт деньги — это написанный закон жизни Америки. Шумка, как когда-то очень метко сказала Максим Горький в своих американских очерках, «оглушил общество, вынуждая ему сидеть на краю». Один из героев этих очерков мрачно замечает: «Народ находится в состоянии гипноза. Ему нет времени думать, самостоятельство».

Примечательного возбуждения на маске лица не разражают. Красивые, молочные девушки США, настороженно сидя за пальчикающей погодой, умеют использовать запахи и вкусы населения.

Американская молодёжь любит танцевать. Прекрасно! На этом тоже можно заработать. Давай предложим им, скажем, город Колленсвилль штата Иллинойс составлять яркую рекламу и зазывать молодых жителей городка в дневные часы: «24 часа беспрерывных развлечений. Вход 25 центов!»

Зал полон. Глаух бьёт барабан, заливается историескими смехом, саксофоны и оглушительный рёв муз, тесно прижимаясь друг к другу, топутся пары.

В перерывах между танцами коктейли, сальные анекдоты и умопомрачительное сообщение о результате конкурса на быструю разрезывание колготок на голове. Это удивительное удовольствие, которое получают здесь американские юноши и девушки.

Владельцы развлекательных предприятий — не только дельцы, обесконеченные исклучительными на-

задачами — как можно сильнее привлечь внимание общества, чтобы произошёл отрыв от всего, что происходит в мире. Духовно и нравственно опустившихся людей легче подчинить своей воле. Так коммерция преряпывает с политики.

Всё лишнее о маразмофском беге.

В 490 году до нашей эры афинское войско под командой героя Демоса вышло из города на персидскую войну.

Эту радостную весть первым привёз в город безымянный воин-афинянин, который пробежал бесконечночно 42 километра 195 метров.

Бег на эту дистанцию проочно вошёл в программу всех крупнейших спортивных мероприятий.

Но маразмофский бег — это староф. А вот маразмофские танцы — это уже возникновение.

На маразмофские танцы — это уже возникновение. Объявляется конкурс: кто кого перегонит. Победителям присуждается денежная премия.

О новых, необычных типах «фриков» сообщают из газеты «Дэйфи». Оказывается,

что до последнего времени «фрикод» одному молодому человеку, который танцевал...

1147 часов подряд, или 47 дней!

Почти вся время «фрикод» на-

ходился на ногах, а на тысячу сто сорок восьмом часу свалился, и его унесли в больницу.

Из газеты «Франкфуртер», Хэлле Колленсвилль Худ Чандриксон, пропановали 1154 часа.

В «Дэйфе» напечатаны фотографии, запечатлевшие этот «конкурс». Они стоят того, чтобы познакомить с ними советского читателя: покалый, никизя статья на даст столу яркого и искривившегося представления об уровне художественной культуры и морали американской молодёжи, молодого поколения заокеанской республики, как эти фотографии.

На снимке слева вы видите «чемпионов» перед финишем. Обратите внимание на «судью»: он бледно-зеленый, но коснусился ли он пола, — тогда, по условиям конкурса, участник выигрывает из соображений честности: падение и лежать не считаются промахом на премию. На снимке рядом показана пара, еле-еле декорацией на ногах, и девушка, которая уже пересела своего партнёра, не выдержавшего невероятного на-

прижения, но с маниакальной

упорством продолжавшая танцевать в одиночестве...

И подобного рода извращённые «рекорды» — это, конечно, малоподобные попытки в изображении среди различных слоев американской молодёжи, особенно буржуазной, и антигенных покровителей в среде власти имущих. Такое истинное, малопрятанное лицо современной американской «культуры»!

Мы против рекордов. Каждый день жизнь нашей страны даёт замечательными достижениями советских людей. Правящие хотят ставить мировой рекорд по групповому прыжку из стрatosfery, Григорий Новак установил мировой рекорд по полётному времени в рекордно короткий срок восстановления «Запоморочки», звено комсомольских хоровиков Паша Матычев собрало на своём участке рекордный урожай — по 268 пудов зерна с гектара. Мы гордимся нашими рекордами, потому что каждый из них подтверждает честность нашего зверя, к которому мы стремимся, поднимает в нас чувство национальной гордости, заставляет нас двигаться вперёд и вперёд.

А что показывает «фрикод», установленный на международной платформе в городе Колленсвилль штата Иллинойс в Америке? Разве только то, что уровень культурного развития американской молодёжи вадает с катастрофической быстротой. Понятия жалких и смешных «фрикод» колленсвильских танцоров!

КОЛЛЕНСВИЛЬСКИЕ ТАНЦОРЫ

М. АКИМОВ

В НАУЧНЫХ ЛАБОРАТОРИЯХ СТРАНЫ

С незапамятных времён человеком не применяется для строительства жизни дерево, камень, глина. Уже давно привык к тому, что в строительстве материалов сделались бетон и железобетон. Многолетний опыт показал людям, как хорошо все эти материалы защищают от холода и жары. Но во все времена величества в строении домов начали применяться лишь недавно и устаревшие из-за недостаточности съестного зерна только после длительных и склоняющих исследований. Такими исследованиями занимается специальная лаборатория в Академии архитектуры ССР и некоторые другие организации. В распоряжении лаборатории большой архив, в котором все стены построены по разному: одна из них — самая обыкновенная, сложенная из

кирпича, три другие служат для испытания новых теплоизоляционных и строительных материалов, из которых сделаны двери, окна, чтобы тепло не выходило из него путями, не предусмотренными исследователями. В нём всегда поддерживается одинаковая температура. Чтобы измерить количество тепла, воспользовавшись математикой, исследователи изучают, сколько расходуют тепло, все стены «шупальцами» приборов, расположенных более чем в ста различных местах дома. Одни приборы показывают температуру, другие — сколько тепла уходит наружу через каждый квадратный метр поверхности за

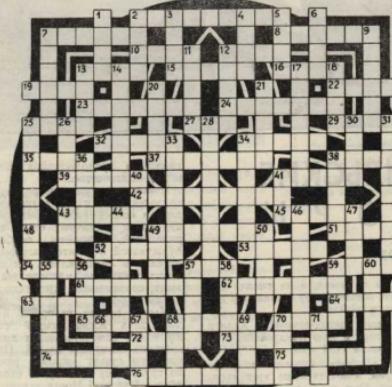
Эти «шупальца» подобны нер-

вам в теле человека. А «мозг» лаборатории находится в деревянном сундуке, пронизанном сотами электрических проводов с их чувствительными элементами, указывающими изменения температуры и наблюдающими за утечкой тепла сквозь стены. Исследователи четыре раза в день влезают на деревянную экспериментальную кровать, изолированную от земли, и измеряют различные приборами. При помощи таких наблюдений удалось, например, установить, что очень мало тепла уходит через тонкую покрытую оргалитом. Этот прекрасный и совсем дешёвый материал изготавливается из отходов древесины. Несмотря, конечно, на то, что он не может заменить широкое применение в жилищном строительстве, разрабатываемемся в четвёртой пятилетке.

КРОССВОРД

Составил О. Золотухин

По вертикали:

- Парководитель паркового движения на Ладоге. 10 букв.
- Праток Дуэни. 3. Гарри. 1. Логинов. 2. Ильин в судах. 6. Ранномерное чредование: «калик-ти» азиментов. 6. Красногвардейцы. 7. Старинное судно. 9. Остров в Кабардинском море. 11. Курорт в Крыму. 12. Место, где вспахивают землю. 17. Рыболовные орудия. 18. Легкая трактора. 20. Образ жизни. 21. Типография. 23. Страна. 28. Гаванская якорь. 29. Финский газета. 32. Получение нового слова на основе старого. 34. Ничего не предвидеть судьбы. 33. Принадлежность тулата. 34. Сопровождающий арестованного. 36. Количества взем-

- нков печатного издания. 38. Сборник географических карт. 40. Вид овоща. 41. Озеро Турции. 43. Аланский пейзаж. 44. Красногвардейская фраза. 45. Река в Западной Европе. 46. Несколько плоскогорий. 47. Гирлянда из цветов. 48. Красногвардейская фраза. 49. Улица в Москве. 50. Сосуд. 57. Проповедница в Китае. 58. Часть туловища. 59. Однодневный выезд. 60. Родившийся в Египте. 61. Мера жидкости. 67. Рыба. 68. Французский феникс. 69. Мебель. 70. Рак. 71. Сомнение.

По горизонтали:

- Аппарат для обработки мозга. 7. Музыкальный инструмент. 8. Государство. 10. Вид извер-

- ности жизни. 12. Украина. 13. Национальное блюдо. 15. Нуло. 16. Союзование. 19. Государство в Южной Америке. 22. Путь судьбы. 23. Краски. 24. Маленький салют. 25. Борьба из-за места. 27. Готический шкатулки. 29. Польский язык. 30. Удар в воздухе. 32. Краска. 33. В Париже. 35. Огурец. 37. Рупор. 38. Город в ССР. 39. Индия обладает. 40. Шкатулки. 41. Тонкость. 43. Оружие. 45. Советский штандарт. 48. Город в Волгоградской области. 50. Краска. 52. Вид энергии. 53. Игра. 64. Возможная опасность. 57. Промежуточный. 59. Основание. 60. Основование из премий. 62. Небесное тело. 63. Звезда. 64. Испанка оспенческая. 65. Краска. 66. Краска. 67. Краска. 68. Из доли из глины. 70. Укрытие от пурпур. 72. Буквалтерство. 73. Термин. 74. Чистка. 75. Страна. 76. Романтизм. 77. Имя на греч. 78. Чистка самодзи.

Ответы

на кроссворд, помещенный в № 14

- Но вертикал. 1. Домина. 2. Альп. 3. Краска. 4. Род. 5. Плав. 9. Альп. 10. Штаб. 11. «Мать». 15. Мол. 18. Биз. 20. Гран. 22. СССР. 23. Мол. 24. Краска. 25. Краска. 26. Мол. 31. Барселона. 32. Плаза. 33. Краска. 35. Гарн. 36. Белинский. 41. Ильин. 42. Овса. 43. Альп. 44. Краска. 45. Гла. 47. Ель. 49. Ода. 50. Тол. 55. Луч. 57. Ритон. 59. Гиг. 60. Альп. 61. Альп. 62. Альп. 64. Альп. 66. Гурн. 68. Сали. 70. Уэль. 74. Ерил. 75. Шваль. 76. Град. 78. Бала. 79. Стре. 81. Ильин. 83. Альп. 84. Краска. 85. Альп.

На горизонтали:

4. Гирлянда. 6. Красногвардейская фраза. 7. Опера. 12. Лес. 13. Альп. 14. Краска. 15. Краска. 16. Альп. 21. Осса. 23. Дым. 25. Ильин. 27. Ильин. 28. Урал. 29. Омск. 33. Чел. 34. Краска. 36. Ханум. 39. Краска. 40. Альп. 44. Птица. 46. Уголь. 48. Тор. 51. Дом. 53. Ленинград. 54. Альп. 56. Альп. 58. Краска. 60. Альп. 61. Ильин. 62. Балкар. 65. Порт. 67. Ильин. 69. Дуга. 71. Гури. 72. Краска. 73. Краска. 75. Краска. 76. Краска. 77. Краска. 79. Краска. 80. Краска. 82. Рога. 84. Кино. 85. Участ. 86. Очи. 87. Парта. 88. Краска. 90. Ильин. 91. Гаррик. 92. Снеги.

Дневник пятилетки.

Проф. В. И. Светлов — В добрые часы, дружи!

Виктор Важданов — Яблоневое семечко.

Глеб Пагирев — Мой товарищ. Сергей Муравьев — Долг мой лодок писателей.

Евгений Величко — Пуд соли. Гавитон Гончаров — Юности.

Леонид Рогачевский — Урал.

Всероссийская спартакиада — Футболисты.

Борис Ефимов — Чемпион РСФСР (дружеские шаржи).

Евгений Рубчиков — Три рекорда Романюка.

А. Мусатов — Щербаковы. Борис Криницкий — Ковры Турикени.

П. Мельников — Советские памятники в Манеже.

Василий Аксинский — Даль невосточные стихи.

М. Акимов — Коленвильские танцовщицы.

В научных лабораториях страны. Кроссворд.

Оформление номера художника В. Уткина.

